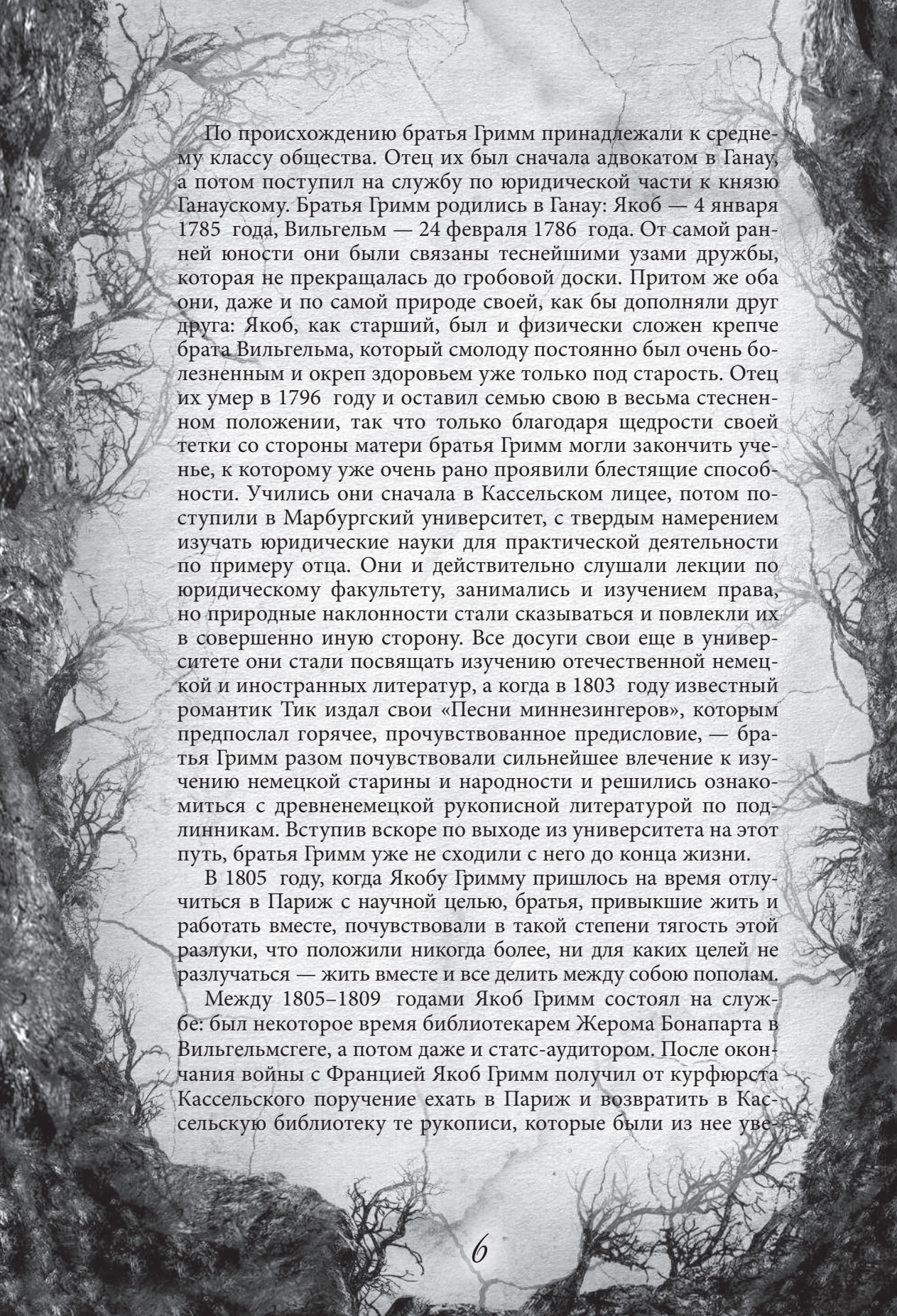

Предисловие Братья Гримм и их сказки

Минуло много лет с той поры, как «Детские и домашние сказки» братьев Гримм впервые вышли в свет. Издание было самое скромное и по внешности, и по объему: в книжке было всего 83 сказки вместо 200, печатаемых в настоящее время. Предисловие, предпосланное сборнику братьями Гримм, было подписано 18 октября принопамятного 1812 года. Книжка была оценена по достоинству в эту эпоху немецкого самосознания, в эту эпоху пробуждения горячих националистических стремлений и пышного расцвета романтики. Еще при жизни братьев Гримм их сборник, постоянно ими дополняемый, выдержал уже 5 или 6 изданий и был переведен почти на все европейские языки.

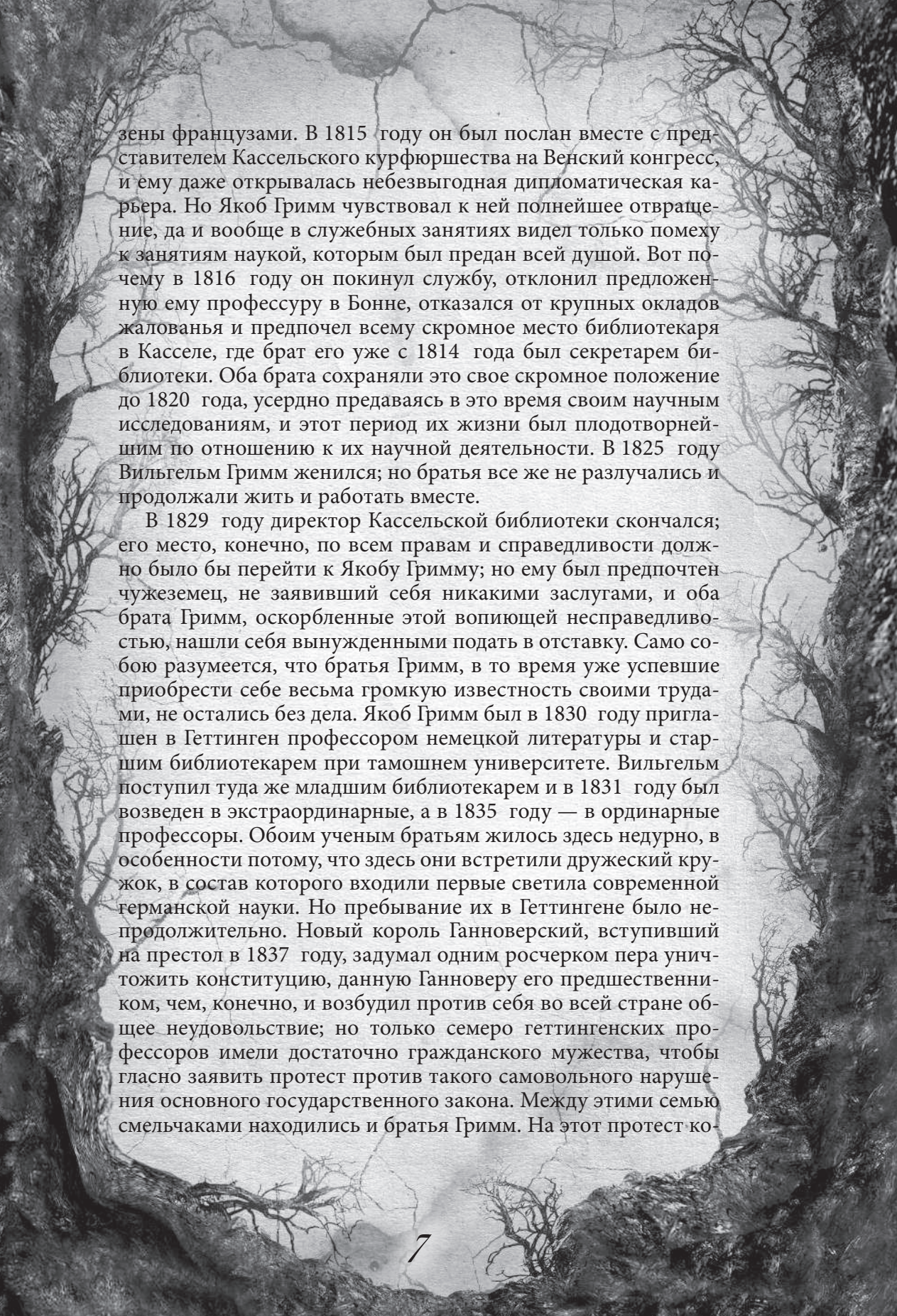
Этот сборник сказок был почти первым, юношеским трудом братьев Гримм, первой их попыткой на пути ученого собирания и ученой обработки памятников древней немецкой литературы и народности. Следуя этому пути, братья Гримм позднее добились громкой славы светил европейской науки и, посвятив всю жизнь своим громадным, поистине бессмертным трудам, оказали косвенным образом весьма сильное влияние и на русскую науку, и на изучение русского языка, старины и народности. Имя их пользуется и в России громкой, вполне заслуженной известностью, произносится и нашими учеными с глубоким уважением... Ввиду этого мы признаем, что здесь далеко не излишним будет помещение краткого, сжатого биографического очерка жизни и деятельности знаменитых братьев Гримм, которых немцы справедливо называют «отцами и родоначальниками германской филологии».

По происхождению братья Гримм принадлежали к среднему классу общества. Отец их был сначала адвокатом в Ганау, а потом поступил на службу по юридической части к князю Ганаускому. Братья Гримм родились в Ганау: Якоб — 4 января 1785 года, Вильгельм — 24 февраля 1786 года. От самой ранней юности они были связаны теснейшими узами дружбы, которая не прекращалась до гробовой доски. Притом же оба они, даже и по самой природе своей, как бы дополняли друг друга: Якоб, как старший, был и физически сложен крепче брата Вильгельма, который смолоду постоянно был очень болезненным и окреп здоровьем уже только под старость. Отец их умер в 1796 году и оставил семью свою в весьма стесненном положении, так что только благодаря щедрости своей тетки со стороны матери братья Гримм могли закончить учебу, к которому уже очень рано проявили блестящие способности. Учились они сначала в Кассельском лицее, потом поступили в Марбургский университет, с твердым намерением изучать юридические науки для практической деятельности по примеру отца. Они и действительно слушали лекции по юридическому факультету, занимались и изучением права, но природные наклонности стали сказываться и повлекли их в совершенно иную сторону. Все досуги свои еще в университете они стали посвящать изучению отечественной немецкой и иностранных литератур, а когда в 1803 году известный романтик Тик издал свои «Песни миннезингеров», которым предпослал горячее, прочувствованное предисловие, — братья Гримм разом почувствовали сильнейшее влечение к изучению немецкой старины и народности и решились ознакомиться с древне немецкой рукописной литературой по подлинникам. Вступив вскоре по выходе из университета на этот путь, братья Гримм уже не сходили с него до конца жизни.

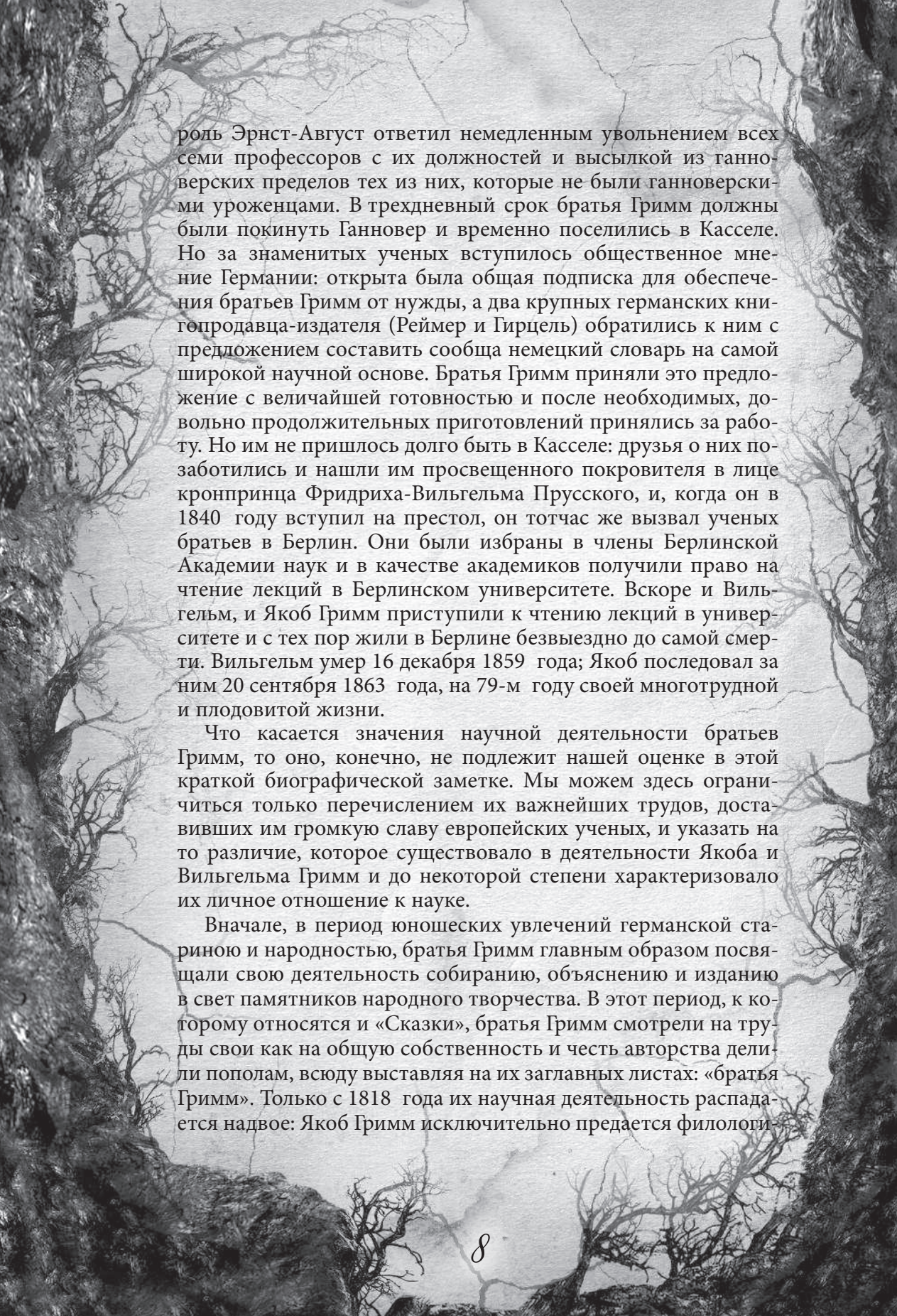
В 1805 году, когда Якобу Гримму пришлось на время отлучиться в Париж с научной целью, братья, привыкшие жить и работать вместе, почувствовали в такой степени тягость этой разлуки, что положили никогда более, ни для каких целей не разлучаться — жить вместе и все делить между собою пополам.

Между 1805–1809 годами Якоб Гримм состоял на службе: был некоторое время библиотекарем Жерома Бонапарта в Вильгельмсеге, а потом даже и статс-аудитором. После окончания войны с Францией Якоб Гримм получил от курфюрста Кассельского поручение ехать в Париж и возвратить в Кассельскую библиотеку те рукописи, которые были из нее уве-

зены французами. В 1815 году он был послан вместе с представителем Кассельского курфюршества на Венский конгресс, и ему даже открывалась небезвыгодная дипломатическая карьера. Но Якоб Гримм чувствовал к ней полнейшее отвращение, да и вообще в служебных занятиях видел только помеху к занятиям наукой, которым был предан всей душой. Вот почему в 1816 году он покинул службу, отклонил предложенную ему профессию в Бонне, отказался от крупных окладов жалованья и предпочел всему скромное место библиотекаря в Касселе, где брат его уже с 1814 года был секретарем библиотеки. Оба брата сохраняли это свое скромное положение до 1820 года, усердно предаваясь в это время своим научным исследованиям, и этот период их жизни был плодотворнейшим по отношению к их научной деятельности. В 1825 году Вильгельм Гримм женился; но братья все же не разлучались и продолжали жить и работать вместе.

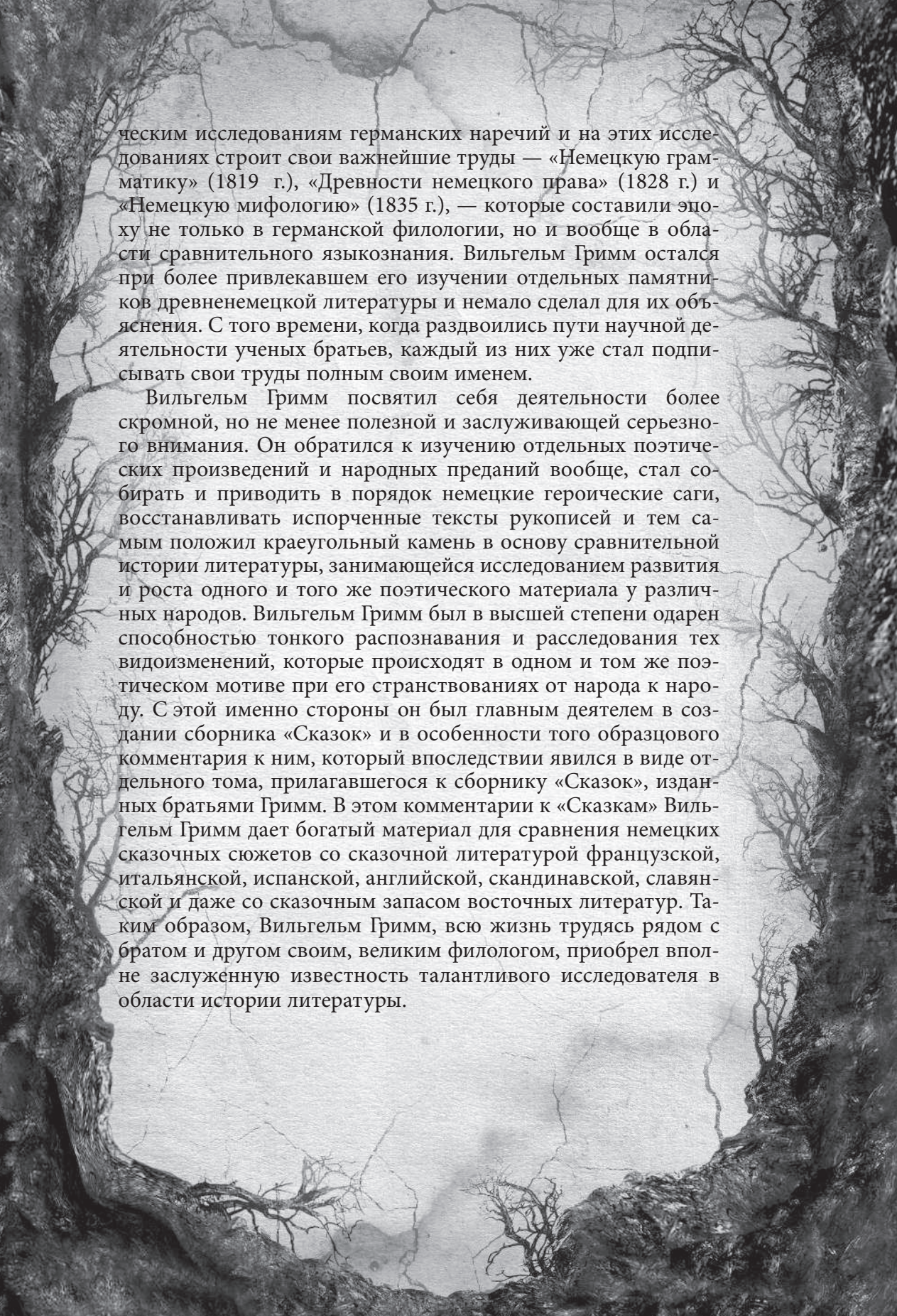
В 1829 году директор Кассельской библиотеки скончался; его место, конечно, по всем правам и справедливости должно было бы перейти к Якобу Гримму; но ему был предпочтен чужеземец, не заявивший себя никакими заслугами, и оба брата Гримм, оскорбленные этой вопиющей несправедливостью, нашли себя вынужденными подать в отставку. Само собою разумеется, что братья Гримм, в то время уже успевшие приобрести себе весьма громкую известность своими трудами, не остались без дела. Якоб Гримм был в 1830 году приглашен в Геттинген профессором немецкой литературы и старшим библиотекарем при тамошнем университете. Вильгельм поступил туда же младшим библиотекарем и в 1831 году был возведен в экстраординарные, а в 1835 году — в обычные профессора. Обоим ученым братьям жилось здесь недурно, в особенности потому, что здесь они встретили дружеский кружок, в состав которого входили первые светила современной германской науки. Но пребывание их в Геттингене было непродолжительно. Новый король Ганноверский, вступивший на престол в 1837 году, задумал одним росчерком пера уничтожить конституцию, данную Ганноверу его предшественником, чем, конечно, и возбудил против себя во всей стране общее неудовольствие; но только семеро геттингенских профессоров имели достаточно гражданского мужества, чтобы гласно заявить протест против такого самовольного нарушения основного государственного закона. Между этими семью смельчаками находились и братья Гримм. На этот протест ко-

роль Эрнст-Август ответил немедленным увольнением всех семи профессоров с их должностей и высылкой из ганноверских пределов тех из них, которые не были ганноверскими уроженцами. В трехдневный срок братья Grimm должны были покинуть Ганновер и временно поселились в Касселе. Но за знаменитых ученых вступилось общественное мнение Германии: открыта была общая подписка для обеспечения братьев Grimm от нужды, а два крупных германских книгопродавца-издателя (Реймер и Гирцель) обратились к ним с предложением составить сообща немецкий словарь на самой широкой научной основе. Братья Grimm приняли это предложение с величайшей готовностью и после необходимых, довольно продолжительных приготовлений принялись за работу. Но им не пришлось долго быть в Касселе: друзья о них позаботились и нашли им просвещенного покровителя в лице кронпринца Фридриха-Вильгельма Прусского, и, когда он в 1840 году вступил на престол, он тотчас же вызвал ученых братьев в Берлин. Они были избраны в члены Берлинской Академии наук и в качестве академиков получили право на чтение лекций в Берлинском университете. Вскоре и Вильгельм, и Якоб Grimm приступили к чтению лекций в университете и с тех пор жили в Берлине безвыездно до самой смерти. Вильгельм умер 16 декабря 1859 года; Якоб последовал за ним 20 сентября 1863 года, на 79-м году своей многотрудной и плодотворной жизни.

Что касается значения научной деятельности братьев Grimm, то оно, конечно, не подлежит нашей оценке в этой краткой биографической заметке. Мы можем здесь ограничиться только перечислением их важнейших трудов, доставивших им громкую славу европейских ученых, и указать на то различие, которое существовало в деятельности Якоба и Вильгельма Grimm и до некоторой степени характеризовало их личное отношение к науке.

Вначале, в период юношеских увлечений германской стариной и народностью, братья Grimm главным образом посвящали свою деятельность собиранию, объяснению и изданию в свет памятников народного творчества. В этот период, к которому относятся и «Сказки», братья Grimm смотрели на труды свои как на общую собственность и честь авторства делили пополам, всюду выставляя на их заглавных листах: «братья Grimm». Только с 1818 года их научная деятельность распадается надвое: Якоб Grimm исключительно предается филологии

ческим исследованиям германских наречий и на этих исследованиях строит свои важнейшие труды — «Немецкую грамматику» (1819 г.), «Древности немецкого права» (1828 г.) и «Немецкую мифологию» (1835 г.), — которые составили эпоху не только в германской филологии, но и вообще в области сравнительного языкознания. Вильгельм Гримм остался при более привлекавшем его изучении отдельных памятников древненемецкой литературы и немало сделал для их объяснения. С того времени, когда раздвоились пути научной деятельности ученых братьев, каждый из них уже стал подписывать свои труды полным своим именем.

Вильгельм Гримм посвятил себя деятельности более скромной, но не менее полезной и заслуживающей серьезно внимания. Он обратился к изучению отдельных поэтических произведений и народных преданий вообще, стал собирать и приводить в порядок немецкие героические саги, восстанавливать испорченные тексты рукописей и тем самым положил краеугольный камень в основу сравнительной истории литературы, занимающейся исследованием развития и роста одного и того же поэтического материала у различных народов. Вильгельм Гримм был в высшей степени одарен способностью тонкого распознавания и расследования тех видоизменений, которые происходят в одном и том же поэтическом мотиве при его странствованиях от народа к народу. С этой именно стороны он был главным деятелем в создании сборника «Сказок» и в особенности того образцового комментария к ним, который впоследствии явился в виде отдельного тома, прилагавшегося к сборнику «Сказок», изданных братьями Гримм. В этом комментарии к «Сказкам» Вильгельм Гримм дает богатый материал для сравнения немецких сказочных сюжетов со сказочной литературой французской, итальянской, испанской, английской, скандинавской, славянской и даже со сказочным запасом восточных литератур. Таким образом, Вильгельм Гримм, всю жизнь трудясь рядом с братом и другом своим, великим филологом, приобрел вполне заслуженную известность талантливого исследователя в области истории литературы.

Король-лягушонок, или Железный Тенрих

В старые годы, когда стоило лишь пожелать чего-нибудь и желание исполнялось, жил-был на свете король; все дочери его были одна краше другой, а уж младшая королевна была так прекрасна, что даже само солнышко, так много выдавшее всяких чудес, и то дивилось, озаряя ее личико.

Близ королевского замка был большой темный лес, а в том лесу под старой липой вырыт был колодец. В жаркие дни заходила королевна в темный лес и садилась у прохладного колодца; а когда ей скучно становилось, брала она золотой мячик, подбрасывала его и ловила: это была ее любимая забава.

Но вот случилось однажды, что подброшенный королевной золотой мяч попал не в протянутые ручки ее, а пролетел мимо, ударился оземь и покатился прямо в воду. Королевна следила за ним глазами, но, увы, мячик исчез в колодце. А колодец был так глубок, так глубок, что и дна не было видно.

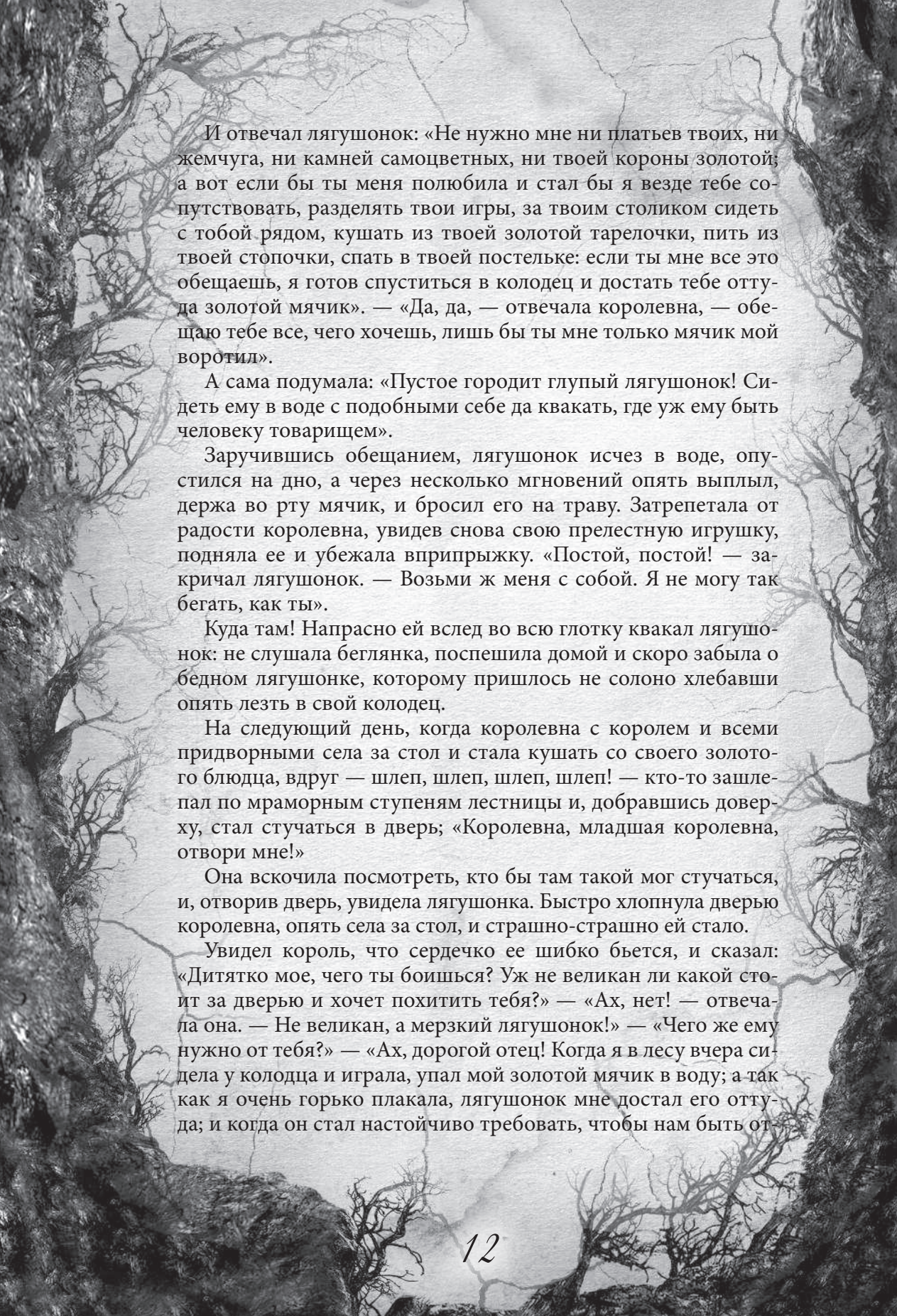
Стала тут королевна плакать, плакала-рыдала все громче да горестней и никак не могла утешиться.

Плачет она, заливаясь, как вдруг слышит чей-то голос: «Да что с тобой, королевна? От твоего плача и в камне жалость явится». Оглянулась она, чтобы узнать, откуда голос ей звучит, и увидела лягушонка, который высунул свою толстую уродливую голову из воды. «Ах, так это ты, старый водошлеп! — сказала девушка. — Плачу я о своем золотом мячике, который в колодец упал». — «Успокойся, не плачь, — отвечал лягушонок, — я могу горю твоему помочь; но что дашь ты мне, если я тебе игрушку достану?» — «Да все, что хочешь, милый лягушонок, — отвечала королевна, — мои платья, жемчуг мой, камня самоцветные, а еще в придачу и корону золотую, которую ношу».

«Король-лягушонок, или Железный Генрих».
Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Успокойся, не плачь, – отвечал лягушонок, –
я могу горю твоему помочь!...»*

И отвечал лягушонок: «Не нужно мне ни платьев твоих, ни жемчуга, ни камней самоцветных, ни твоей короны золотой; а вот если бы ты меня полюбила и стал бы я везде тебе сопутствовать, разделять твои игры, за твоим столиком сидеть с тобой рядом, кушать из твоей золотой тарелочки, пить из твоей стопочки, спать в твоей постельке: если ты мне все это обещаешь, я готов спуститься в колодец и достать тебе оттуда золотой мячик». — «Да, да, — отвечала королева, — обещаю тебе все, чего хочешь, лишь бы ты мне только мячик мой воротил».

А сама подумала: «Пустое горюдит глупый лягушонок! Сидеть ему в воде с подобными себе да квакать, где уж ему быть человеку товарищем».

Заручившись обещанием, лягушонок исчез в воде, опустился на дно, а через несколько мгновений опять выплыл, держа во рту мячик, и бросил его на траву. Затрепетала от радости королева, увидев снова свою прелестную игрушку, подняла ее и убежала вприпрыжку. «Постой, постой! — закричал лягушонок. — Возьми ж меня с собой. Я не могу так бегать, как ты».

Куда там! Напрасно ей вслед во всю глотку квакал лягушонок: не слушала беглянка, поспешила домой и скоро забыла о бедном лягушонке, которому пришлось не солоно хлебавши опять лезть в свой колодец.

На следующий день, когда королева с королем и всеми придворными села за стол и стала кушать со своего золотого блюда, вдруг — шлеп, шлеп, шлеп, шлеп! — кто-то зашлепал по мраморным ступеням лестницы и, добравшись доверху, стал стучаться в дверь; «Королева, младшая королева, отвори мне!»

Она вскочила посмотреть, кто бы там такой мог стучаться, и, отворив дверь, увидела лягушонка. Быстро хлопнула дверью королева, опять села за стол, и страшно-страшно ей стало.

Увидел король, что сердечко ее шибко бьется, и сказал: «Дитяtko мое, чего ты боишься? Уж не великан ли какой стоит за дверью и хочет похитить тебя?» — «Ах, нет! — отвечала она. — Не великан, а мерзкий лягушонок!» — «Чего же ему нужно от тебя?» — «Ах, дорогой отец! Когда я в лесу вчера сидела у колодца и играла, упал мой золотой мячик в воду; а так как я очень горько плакала, лягушонок мне достал его оттуда; и когда он стал настойчиво требовать, чтобы нам быть от-

ныне неразлучными, я обещала; но ведь никогда я не думала, что он может из воды выйти. А вот он теперь тут за дверью и хочет войти сюда».

Лягушонок постучал вторично и голос подал:

Королевна, королевна!
Что же ты не открываешь?!
Иль забыла обещастья
У прохладных вод колодца?
Королевна, королевна,
Что же ты не открываешь?

Тогда сказал король: «Что ты обещала, то и должна исполнить; ступай и отвори!»

Она пошла и отворила дверь.

Лягушонок вскочил в комнату и, следуя по пятам за королевной, доскакал до самого ее стула, сел подле и крикнул: «Подними меня!» Королевна все медлила, пока наконец король не приказал ей это исполнить. Едва лягушонка на стул посадили, он уж на стол запросился; посадили на стол, а ему все мало: «Придвинь-ка, — говорит, — свое блюдо золотое поближе ко мне, чтоб мы вместе покушали!»

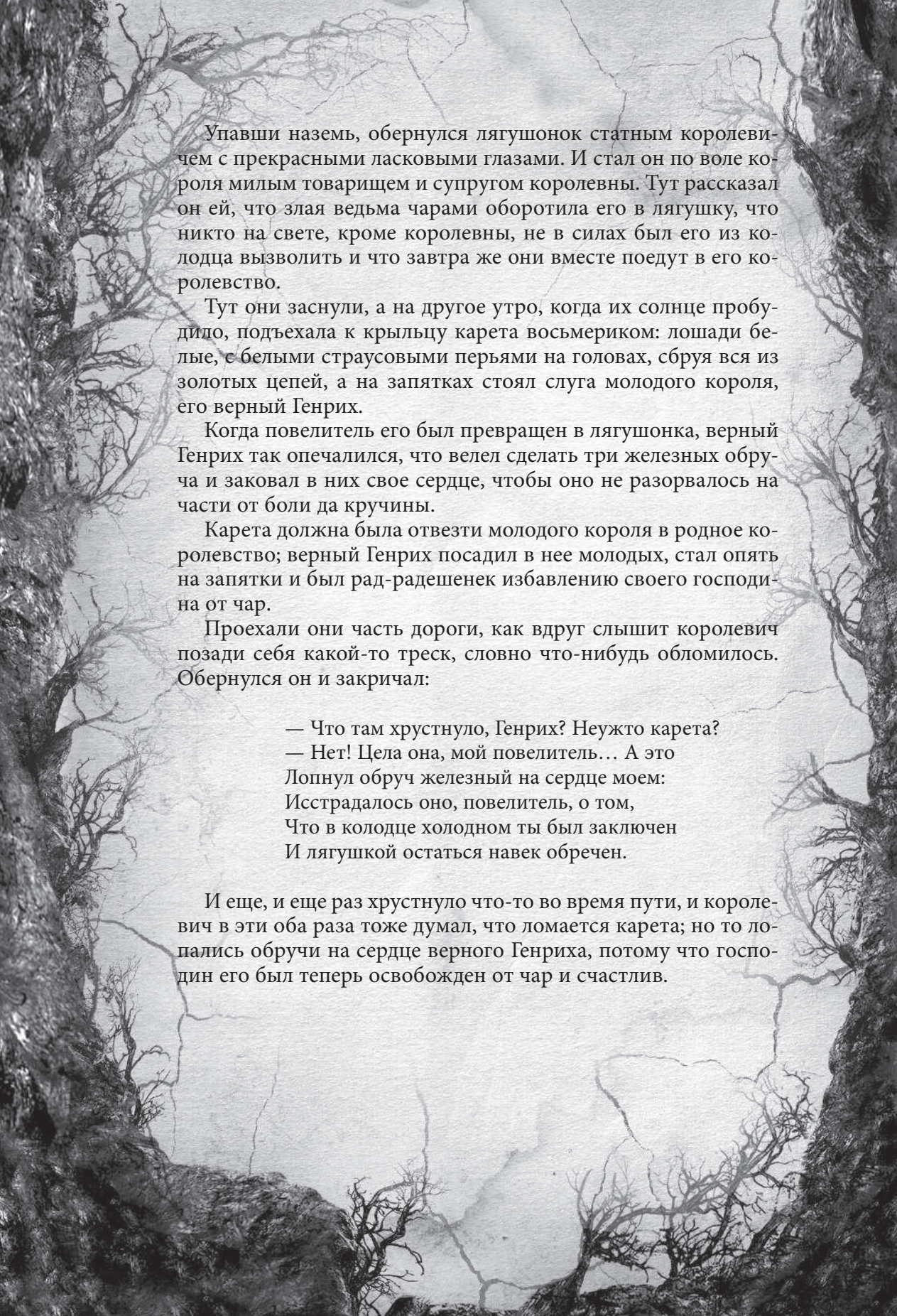
Что делать?! И это исполнила королевна, хотя и с явной неохотой. Лягушонок уплетал кушанья за обе щеки, а молодой хозяйке кусок в горло не лез.

Наконец гость сказал: «Накушался я, да и притомился. Отнеси ж меня в свою комнатку да приготовь свою постельку пуховую, и ляжем-ка мы с тобою спать». Расплакалась королевна, и страшно ей стало холодного лягушонка: и дотронуться-то до него боязно, а тут он еще на королевниной мягкой, чистой постельке почивать будет!

Но король разгневался и сказал: «Кто тебе в беде помог, того тебе потом презирать не годится».

Взяла она лягушонка двумя пальцами, понесла к себе наверх и ткнула в угол.

Но когда она улеглась в постельке, подполз лягушонок и говорит: «Я устал, я хочу спать точно так же, как и ты: подними меня к себе — или я отцу твоему пожалуюсь!» Ну, уж тут королевна рассердилась до чрезвычайности, схватила его и бросила, что было мочи, об стену. «Чай теперь уж ты успокоишься, мерзкая лягушка!»

Упавши наземь, обернулся лягушонок статным королевичем с прекрасными ласковыми глазами. И стал он по воле короля милым товарищем и супругом королевны. Тут рассказал он ей, что злая ведьма чарами оборотила его в лягушку, что никто на свете, кроме королевны, не в силах был его из колодца вызволить и что завтра же они вместе поедут в его королевство.

Тут они заснули, а на другое утро, когда их солнце пробудило, подъехала к крыльцу карета восьмериком: лошади белые, с белыми страусовыми перьями на головах, сбруя вся из золотых цепей, а на запятках стоял слуга молодого короля, его верный Генрих.

Когда повелитель его был превращен в лягушонка, верный Генрих так опечалился, что велел сделать три железных обруча и заковал в них свое сердце, чтобы оно не разорвалось на части от боли да кручины.

Карета должна была отвезти молодого короля в родное королевство; верный Генрих посадил в нее молодых, стал опять на запятки и был рад-радешенек избавлению своего господина от чар.

Проехали они часть дороги, как вдруг слышит королевич позади себя какой-то треск, словно что-нибудь обломилось. Обернулся он и закричал:

— Что там хрустнуло, Генрих? Неужто карета?

— Нет! Цела она, мой повелитель... А это Лопнул обруч железный на сердце моем:
Исстрадалось оно, повелитель, о том,
Что в колодце холодном ты был заключен
И лягушкой остаться навек обречен.

И еще, и еще раз хрустнуло что-то во время пути, и королевич в эти оба раза тоже думал, что ломается карета; но то лопались обручи на сердце верного Генриха, потому что господин его был теперь освобожден от чар и счастлив.

Дружба кошки и мышки

Кошка познакомилась с мышкой и столько пела ей про свою великую любовь и дружбу, что мышка наконец согласилась поселиться с ней в одном доме и завести общее хозяйство. «Да вот к зиме нужно бы нам наготовить припасов, а не то голодать придется, — сказала кошка. — Ты, мышка, не можешь ведь всюду ходить. Того гляди, кончишь тем, что в мышеловку угодишь».

Добрый совет был принят и про запас куплен горшочек жиру. Но не знали они, куда его поставить, пока наконец после долгих рассуждений кошка не сказала: «Я не знаю места для хранения лучше кирхи: оттуда никто не отважится украсть что бы то ни было; мы поставим горшочек под алтарем и примемся за него не прежде, чем нам действительно понадобится».

Итак, горшочек поставили на хранение в верном месте; но немного времени прошло, как захотелось кошке отведать жирку, и говорит она мышке: «Вот что я собиралась тебе сказать, мышка: звана я к сестре двоюродной на крестины; она родила сынка, белого с темными пятнами — так я кумой буду. Ты пусти меня сегодня в гости, а уж домашним хозяйством одна позаймись». — «Да, да, — отвечала мышь, — ступай себе с богом; а если что вкусное скушать доведется, вспомни обо мне: я и сама бы не прочь выпить капельку сладкого красного крестинного винца».

Все это были выдумки: у кошки не было никакой двоюродной сестры, и никто не звал ее на крестины. Пошла она прямехонько в кирху, пробралась к горшочку с жиром, стала лизать и слизала сверху жирную пленочку. Потом прогулялась по городским крышам, осмотрелась кругом, а затем растянулась на солнышке, облизываясь каждый раз, когда вспоминала о горшочке с жиром.

Только ввечеру вернулась она домой. «Ну, вот ты и вернулась, — сказала мышь, — верно, весело денек провела». —

«Да, недурно», — отвечала кошка. «А как звали новорожденного?» — «Початочек», — коротко отвечала кошка. «Початочек?! — воскликнула мышь. — Вот так удивительно странное имя! Или оно принято в вашем семействе?» — «Да о чем тут рассуждать? — сказала кошка. — Оно не хуже, чем Крошкочрад, как зовут твоих крестников».

Немного спустя опять одолело кошку желание полакомиться. Она сказала мышке: «Ты должна оказать мне услугу и еще раз одна позаботиться о хозяйстве: я вторично приглашена на крестины и не могу отказать, так как у новорожденного отметина есть: белое кольцо вокруг шеи».

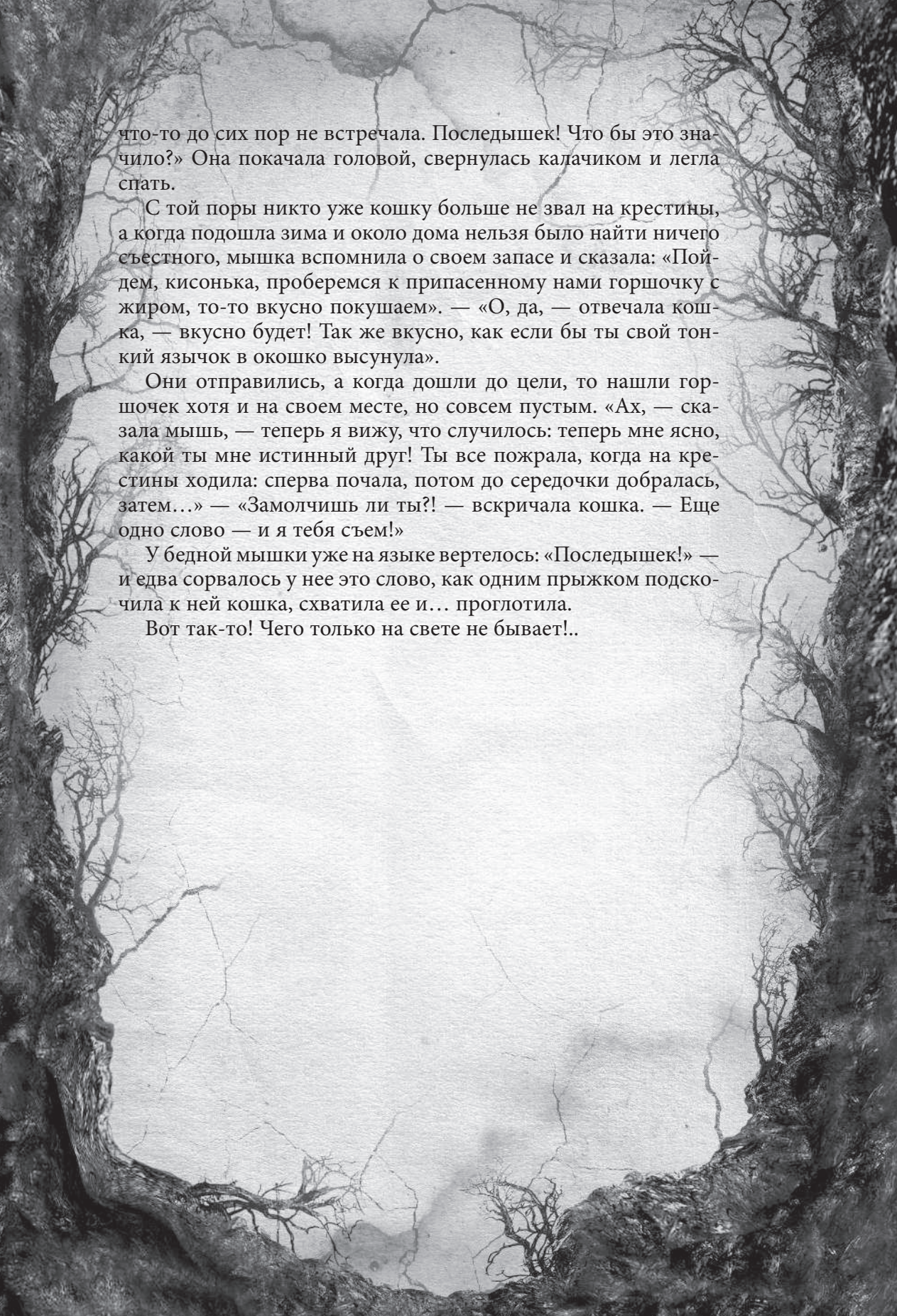
Добрая мышь согласилась, а кошка позади городской стены проскользнула в кирху и съела с полгоршочка жиру. «Вот уж именно ничто так не вкусно, как то, что сама в свое удовольствие покушаешь», — сказала она, очень довольная своим поступком.

Когда она вернулась домой, мышь опять ее спрашивает: «Ну, а как этого детеныша нарекли?» — «Середочкой», — отвечала кошка. «Середочкой?! Да что ты рассказываешь?! Такого имени я отродясь не слыхивала и бьюсь об заклад, что его и в Святцах-то нет!»

А у кошки скоро опять слюнки потекли, полакомиться захотелось. «Бог любит троицу! — сказала она мышке. — Опять мне кумой быть приходится. Детеныш весь черный, как смоль, и только одни лапки у него беленькие, а на всем туловище ни одного белого волоска не найдется. Это случается в два года раз: ты бы отпустила меня туда». — «Початочек, Середочка... — отвечала мышь. — Это такие имена странные, что меня раздумье берет». — «Ты все торчишь дома в своем темно-сером байковом халате и со своей длинной косицей, — сказала кошка, — и причудничаешь: вот что значит днем не выходить из дому».

Мышка во время отсутствия кошки убрала все комнатки и весь дом привела в порядок, а кошка-лакомка дочиста вылизала весь горшочек жиру. «Только тогда на душе и спокойно, когда все съешь», — сказала она себе и лишь поздней ночью вернулась домой, сытая-пресытая.

Мышка сейчас же спросила, какое имя дали третьему детенышу. «Оно тебе, верно, тоже не понравится, — отвечала кошка, — малютку назвали Последышек». — «Последышек! — воскликнула мышь. — Это самое подозрительное имя. Я его

что-то до сих пор не встречала. Последышек! Что бы это значило?» Она покачала головой, свернула калачиком и легла спать.

С той поры никто уже кошку больше не звал на крестины, а когда подошла зима и около дома нельзя было найти ничего съестного, мышка вспомнила о своем запасе и сказала: «Пойдем, кисонька, проберемся к припасенному нами горшочку с жиром, то-то вкусно покушаем». — «О, да, — отвечала кошка, — вкусно будет! Так же вкусно, как если бы ты свой тонкий язычок в окошко высунула».

Они отправились, а когда дошли до цели, то нашли горшочек хотя и на своем месте, но совсем пустым. «Ах, — сказала мышь, — теперь я вижу, что случилось: теперь мне ясно, какой ты мне истинный друг! Ты все пожрала, когда на крестины ходила: сперва почала, потом до середочки добралась, затем...» — «Замолчишь ли ты?! — вскричала кошка. — Еще одно слово — и я тебя съем!»

У бедной мышки уже на языке вертелось: «Последышек!» — и едва сорвалось у нее это слово, как одним прыжком подскочила к ней кошка, схватила ее и... проглотила.

Вот так-то! Чего только на свете не бывает!..

Дитя Марии

На опушке большого леса жил дровосек со своею женой, и было у них единственное дитя — трехлетняя девочка. Были они так бедны, что даже без хлеба насущного сиживали и не знали, чем прокормить ребенка.

Однажды поутру дровосек, подавленный своими заботами, отправился на работу в лес. Стал он там рубить дрова, как вдруг появилась перед ним прекрасная высокая женщина с венцом из ярких звезд на голове и сказала: «Я — Дева Мария, мать младенца Христа. Ты беден, обременен нуждою. Принеси мне свое дитя: я возьму его с собою, буду ему матерью и стану о нем заботиться».

Послушался ее дровосек, принес дитя свое и вручил его Деве Марии, которая и взяла его с собой на небо.

Хорошо там зажило дитя: ело пряники сахарные, пило сладкое молоко, в золотые одежды одевалось, и ангелы играли с ним.

Когда же девочке исполнилось четырнадцать лет, позвала ее однажды к себе Дева Мария и сказала: «Милое дитя, предстоит мне путь неблизкий; так вот, возьми ты на хранение ключи от тринадцати дверей Царства небесного. Двенадцать дверей можешь отпирать и осматривать все великолепие, но тринадцатую дверь, что вот этим маленьким ключиком отпирается, запрещаю тебе отпирать! Не отпирай ее, не то будешь несчастною!»

Девочка обещала быть послушною, и затем, когда Дева Мария удалилась, она начала осматривать обители небесного Царства.

Каждый день отпирала она по одной двери, пока не обошла все двенадцать обителей. В каждой сидел апостол в великом сиянии — и девочка радовалась всей этой пышности и великолепию, и ангелы, всюду ее сопровождавшие, радовались вместе с нею.

«Дитя Марии».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...и Дева Мария сошла на землю с ее новорожденного
дочерью на руках и обвилли сыночками по сторонам...»*